УДК 882-3(091)+882.6-3(091)

В.В. Шумко

Концепция развития русской и белорусской фантастической прозы

Изучение русской фантастики, как известно, находится в русле вполне устоявшихся традиций, самими критиками называемом «фантастоведением». Первые научные статьи, монографии появились в 1970–1980-х годах, защищались кандидатские и докторские диссертации, была создана солидная исследовательская база, что позволяет вести разработку частных тем. Однако полиморфность фантастики, размытость жанровых границ, наличие нескольких научно-исследовательских традиций ограничивает изучаемую область наиболее традиционными жанрами: речь идет о научной фантастике (далее НФ) и фэнтези. Исследование «пограничных жанровых разновидностей» остается насущной и актуальной проблемой.

Мы намеренно акцентируем внимание на жанровом подходе к фантастике, так как это позволяет избежать некоторой терминологической путаницы: существует академическое понимание фантастики как художественного метода отображения действительности и фантастики как жанра. Нежелательное смешение определений в некоторых работах привело к устоявшейся практике отождествления произведений с «элементами фантастики» и собственно фантастических книг. Так появляется, например, термин «социальная фантастика» («Нос», «Шинель» Н. Гоголя), который сейчас трактуется как название определенного направления в литературе, как стилевой прием, как жанр и т.д., хотя для последнего необходимо наличие специфических конфликта, образности, свойств пространства и времени в целом. Таким образом, понимание фантастики как приема имеет слишком широкие рамки для научного анализа, поэтому наметилась тенденция выделения прежде всего жанровых разновидностей, где слово «фантастика» главенствует, то есть изучаются фантастические произведения, а не произведения с элементами фантастики. Более подробно эта тема исследована в известной монографии Е.Н. Ковтун «Поэтика необычайного» (1999) [1], а также в нашем курсе лекций (2006) [2].

Дадим краткую концепцию развития русской и белорусской фантастической прозы в контексте вышесказанного.

Впервые фантастическая тематика в произведении становится доминантной в русской литературе в 1820–1840-х годах, когда романтики, полемизируя с основным эстетическим принципом классицистов (искусство есть подражание природе), выдвинули тезис о преобразующей роли искусства. Именно тогда формируется «первая волна» фантастических повестей, представленная творчеством А. Погорельского, О. Сомова, К.С. Аксакова, А.А. Бестужева-Марлинского, А.Ф. Вельтмана, М.Н. Загоскина, И.В. Киреевского, М.Ю. Лермонтова, В.Ф. Одоевского, Н.А. Полевого, В.П. Титова.

Буржуазный порядок с конца 1830-х годов принес новую форму произвола – прозаизм существования. Протест против него реализовался в известной «проверке» романтического идеала, во включении в текст иронии и гротеска («вторая» и «третья» волны), характерными чертами которых является немногочисленность авторов, профессиональный интерес к теории фантастики. С развитием реализма закономерно исчезает и фантастика как самостоятельная жанровая единица: конфликт, построенный на противостоянии исключительной личности потусторонней реальности, оказался неактуален. Фантастическое подвергается переработке, становясь второстепенным элементом поэтики реализма. С кризисом реализма фантастика также не становится ведущим жанром. Распространенной ситуацией было использование научно-фантастического антуража для мистического погружения в тайны сознания (например, роман В.Я. Брюсова «Гора Звезды», рассказ «Республика Южного Креста»).

После революции некоторые авторы используют фантастическую образность для поиска новых форм литературного творчества: Е. Замятин, М.А. Булгаков («Луч жизни»), С. Кржижановский, А.П. Платонов и другие. Невостребованность результатов подобных поисков определила другой путь развития фантастики: она включается в 1930-х годах в эстетику соцреализма как «литература мечты» или научная фантастика (разумеется, еще с конца XIX века появляются обработки зарубежной НФ, а также пробы пера молодых авторов, но именно в 1930-е годы происходит издательское разграничение НФ и приключенческой литературы, появляются профессиональные фантасты).

Кризис административной системы в конце 1960-х гг. отражается в области литературы: научная фантастика повторяется, теряет читателя и начинает смыкаться с реалистической литературой, уходя от фантастических реалий и занимаясь психологическими, философскими аспектами бытия (братья Стругацкие).

В середине 90-х годов XX века бурно развивается фэнтезийный жанр (представленный тогда заимствованным фэнтезийным романом), который постепенно вбирает в себя научную фантастику, характеризуясь значительной неоднородностью. В современном литературоведении делаются попытки дать жанровое определение фантастике, где бы учитывались следующие соображения: 1) в период зарождения фантастического жанра – 1820–1840-е годы – его представителем была романтическая фантастика; 2) в период 1930–1980-х годов фантастическим жанром называли научную фантастику, которая во многом наследовала черты романтической фантастики В.Ф. Одоевского; 3) с середины 1990-х годов фантастическим «жанром» называют одновременно фэнтези и научную фантастику, разные по происхождению и содержанию «жанры». Кроме этого появляются «космическая сага», юмористическая и детективная фантастика, «научное» фэнтези, «псевдоисторическая» фантастика и «магический реализм». Все это дало основание Е.Н. Ковтун назвать фантастику «областью поэтики».

С сожалением приходится констатировать, что исследований по белорусской фантастике проводится мало, а библиографии отсутствуют (есть лишь рекомендованные списки литературы, текстография отдельных авторов и методические разработки уроков). Жанровый аспект присущ достаточно небольшому кругу книг, среди которых преобладают произведения научно-фантастической тематики. Прежде чем перейти к предметному разговору, хотелось бы изложить свои соображения относительно белорусской фантастики в целом.

Как уже говорилось выше, первый этап становления русской фантастической прозы был романтическим. В белорусской литературе неспешная смена направлений, кристаллизация жанров отсутствовала ввиду сложившихся не-

благоприятных политических условий. В дореволюционное время наблюдалась незначительная доля прозы (отметим своеобразный памятник, принадлежащий одновременно нескольким культурам, – «Шляхтич Завальня» Я. Борщевского (1844–1846), а с 1920-х гг. культивируется реалистическая литература с романтизированными чертами. Избавившись от этнографизма, проза образовала жанры рассказа в нескольких ответвлениях, а также начал формироваться жанр повести, наиболее продуктивный для ранней фантастики. Одновременно с реализмом появляются романтические тенденции в прозе, когда жизнь оценивается с идеально-романтических позиций, что сопровождается некоторой абстрактностью, космичностью стиля (см. работы И. Чигрина «Проза «Маладняка»: Дарогами сцвярджэння» (1985) и «Крокі: Проза «Узвышша» (1989). Это создает благодатную почву для использования фантастики как приема (например, повесть «Недоля Заблоцких» Лукаша Калюги, исключительные герои Михася Зарецкого, творчество Янки Неманского, теория «патаемнага» Максима Горецкого, метод «переодевания» З. Бедули, приемы сна и воображения в рассказах Михася Дубка «Знаешь ли ты?», Николая Куликовича «Миндовг» и др.). Некоторое значение имеет в такой ситуации становления и приключенческая литература, которая обычно перекликается с романтической и научной фантастикой («Свинопас» М. Чарота, «Два» А. Вольного, «Волчата» А. Александровича, А. Дудара, А. Вольного). Однако поиски своего положительного героя, дидактичность приключенческой литературы в 1920-е гг. обусловили, соответственно, специфическое развитие от экзотики к психологизации будней, когда необычное имеет фольклорную основу. Интересно, что такая схема повторяет этапы развития романтической фантастики как литературы о необычном: от экзотики (зарубежных заимствований) первого этапа – далее к использованию собственной демонологии – затем психологическая и философская трактовка таких сюжетов.

Фантастикой обычно становится соотнесение реальности и прошлого, когда чудесным объявляется сам временной разрыв. В целом, это соответствует схожим пространственно-временным свойствам русского романтизма.

В целом благодатные для жанрового образования тенденции в белорусской литературе 1920-х гг. (контрастность повествования, фольклорная образность, метафоричность, сказочность повествования, ассоциативность письма, акцентированная символика) в романтической литературе (революционном романтизме, романтическом типе искусства в реализме и т.п.), к сожалению, так тенденциями и остались. Была утеряна поступательность в развитии фантастической литературы, когда НФ наследовала лучшее из романтической фантастики. Интересно, что своеобразие белорусской прозы, ее особенная лиричность, даже минорность, все-таки проявились через десятилетия в литературе 1980–1990-х годов.

Говоря о научной фантастике приходится вновь констатировать недостаточную ее изученность. Научные работы отрывочны, часто противоречат друг другу и, в основном, дают краткие обзоры этапов ее развития.

Вопросам теории, а также истории НФ как жанра посвящены работы Г. Зеновой [3], Г. Вороновой [4], С. Минскевича [5], А. Смирнова [6], С. Солодовникова [7], А. Павлихина [8] и других. В итоге картина развития белорусской научной фантастики в широком понимании выглядит следующим образом.

Начало белорусской фантастики связывается, прежде всего, с XX веком, когда разрабатывался жанр сказки в творчестве Богдановича, Тетки, Бедули, Коласа (правда, есть отдельные высказывания о польском монахе XVIII века Кароле Жера с карнавальной «Торбой смеха»). Далее идут «Лабиринты»

Вацлава Ластовского, трактуемые в других работах как историческая повесть, художественно-исторический трактат, «першасная містэрыя», жанр «параболической» прозы (притчи). Исходный тезис автора о потере белорусским народом своей мифологии вследствие влияния Востока и Запада обусловил бережный интерес к малейшим проявлениям такой самостоятельной «мифологии» в книге, историческое моделирование возможных ситуаций, близкое, скорее, романтической «завуалированной» фантастике. Отметим, правда, характерное отсутствие термина «научный» в указанных определениях, а также наличие определенной жанровой тенденции в творчестве Ластовского, требующей дальнейшего изучения (рассказы «Привидение», «Время было тревожное»).

Первым в жанре НФ стал работать Я. Мавр «Человек идет» (1920). Позже у Мавра появляется и научная фантастика – «Фантамобиль профессора Циляковского». Отметим и повесть белорусского автора Б. Армфельта «Прыжок в пустоту» 1927 года.

Классической НФ является творчество Николая Гомолки (с 1955 г.), Дмитрия Астапенко (с 1957 г.) и В. Шитика (с 1962 г.), где утверждается вера в науку, мощь человеческого разума идеализированного первопроходца (идеи, которые были характерны для НФ того времени в целом).

Непринятие критикой «нежелательного» ответвления от приключенческой литературы привело к забвению белорусской НФ вплоть до появления «Брамы...» К. Крапивы (1973). Авторитетом классика утверждается право фантастики на существование, дана новая тематическая установка: фантастика – это зеркало, отражающее актуальные проблемы общества, когда главным героем становится наш современник.

Фантастика 1980–1990-х годов характеризуется разочарованием в техническом прогрессе, тогда же возникает белорусская антиутопия («Корабль» В. Гигевича; «Правдивая история Страны Хлудов» А. Минкина), философская фантастика («Те, кто идет» и «Подари нам дерево» Я. Сипакова; «Белый муравейник» П. Васюченко, главной чертой которых становится печальная ирония).

На современном этапе выделяется философско-насыщенной прозой В. Гигевич, Ю. Станкевич, И. Шударева, П. Семинский. Назван и наиболее популярный жанр в белорусской фантастике – фантасмагория (В. Козько, Я. Сипаков, Р. Боровикова, Г. Богданова, Петро Васюченко, Адам Глобус, А. Наварич, А. Козлов, О. Минкин, В. Мудров).

Корни фэнтезийной литературы (как магическо-мистической) находятся в белорусском фольклоре и верованиях, творчестве А. Мицкевича (утерянная фантастическая повесть о Литве 2000 года), дневниковых записях Я. Дроздовича, повести Владимира Короткевича «Адвокат дьявола».

В целом отмечается нарастающий кризис белорусской фантастики, начиная с 2000 г., указывается на единичность известных авторов.

Смешение теоретических понятий в приведенном обзоре очевидно, как и очевидна проблемность отнесения творчества многих перечисленных авторов к собственно фантастической литературе. Единичные произведения в рамках уже существующих традиций англоязычной и русской литературы разумно назвать лишь тенденцией к жанрообразованию, своеобразным течением. Разновидности НФ присутствуют, обладают национальным своеобразием и близки к жанровому определению, что выделяет данную тему как наиболее плодотворную в дальнейших исследованиях.

В заключение хотелось бы отметить существование еще одной проблемы в литературном процессе Республики Беларусь.

Учитывая некоторую «интернациональность» НФ и официальное двуязычие, «белорусскую» научную фантастику следует понимать в более обобщенном смысле: при положительном самоопределении автора произведения сюда включаются и книги, издававшиеся белорусскими авторами на русском языке. Речь идет о творчестве Юрия Брайдера и Николая Чадовича, Сергея Булыги, А. Геращенко, В. Гончарова, Ольги Громыко, В. Гусева, Е. Дрозда, В. Козько, Инны Кублицкой, Сергея Лифанова, Руслана Мельникова, Павла Мисько, А. Муравьева, Наталии Новаш, В. Павлова, Александра Потупы, Эдуарда Скобелева, В. Строкина, Сергея Трусова, А. Фомицы, Георгия Шишко. Это позволит несколько увеличить исследовательскую базу и наиболее полно выявить тенденции развития современной фантастики в Беларуси.

Надо сказать, что белорусская научно-фантастическая проза находится сейчас в стадии «затянувшегося» становления. Стартуя в 1950-х годах примерно с одинаковых позиций вместе с русской НФ, до конца 1980-х годов белорусские авторы сохраняли «приверженность» к уже устаревшему кругу тем, что привело к потере издательского интереса. На данный момент накопился изрядный текстовый материал, но единого, центробежного, собирательного движения (хотя бы на уровне отдельного жанра) не наблюдается. Поэтому как никогда актуальными остаются вопросы бережного собирания литературного фантастического наследия, уяснения эволюционных путей развития белорусской фантастики, ее популяризации. Перспективными здесь являются исследования о специфике фантастического в XIX–XX веках, а также сравнительные работы по славянским литературам.

ЛИТЕРАТУРА

1. ***Ковтун, Е.Н.*** Поэтика необычайного: Художественные миры фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи и мифа (На материале европейской литературы первой половины XX века) / Е.Н. Ковтун. – М.: Изд-во МГУ, 1999. – 308 с.
2. ***Шумко, В.В.*** Фантастический жанр в литературе XX–XXI веков: становление и развитие: курс лекций / В.В. Шумко. – Витебск: Изд-во ВГУ, 2006. – 77 с.
3. ***Зенава, Г.М.*** Фантастыка ў беларускіх апавяданнях 80–90-х гг. / Г.М. Зенава // Весн. Бел. дзярж. ун-та. – 1999. – № 2. – С. 14–17.
4. ***Воранава, Г.*** У краіне антыутопіі / Г. Воранава // Полымя. – 2001. – № X. – С. 267–311.
5. ***Мінскевіч, С.*** Па слядах яе вялікасці фантастыкі / С. Мінскевіч // Маладосць. – 2005. – № 3. – С. 115–118.
6. ***Смирнов, А.Ю.*** Антиутопия в белорусской литературе (к постановке проблемы) / А.Ю. Смирнов // Куляшоўскія чытанні: матэр. міжнарод. навук. канф. – Магілёў, 2007. – С. 52–54.
7. ***Саладоўнікаў, С.*** Поплеч з мараю / С. Саладоўнікаў // Маладосць. – 1979. – № 6. – С. 157–163.
8. ***Паўліхін, А.*** Ці існуе беларуская фантастыка? / А. Паўліхін // Маладосць. – 2004. – № 5. – С. 142–143.

SUMMARY

In this article common tendencies of the development of Russian and Belarusian fantastic prose have been examined. The traditions of the literary criticism on this question have been surveyed. Genre-approach to texts is the basis of the work.

Поступила в редакцию 27.11.2007